

Рецензия Трофименко Алексея на статью “German children’s art during World War I” исследовательницы Кэролин Кэй

Пожалуй, Первая Мировая война является одной из наиболее хорошо исследованных тем в европейской историографии: ее рассматривали с точки зрения военных действий, фронтовой жизни, мировой политики и международных отношений, в рамках цивилизационного, марксистского и других подходов. Однако данная тема не перестает вызывать интереса у исследователей.

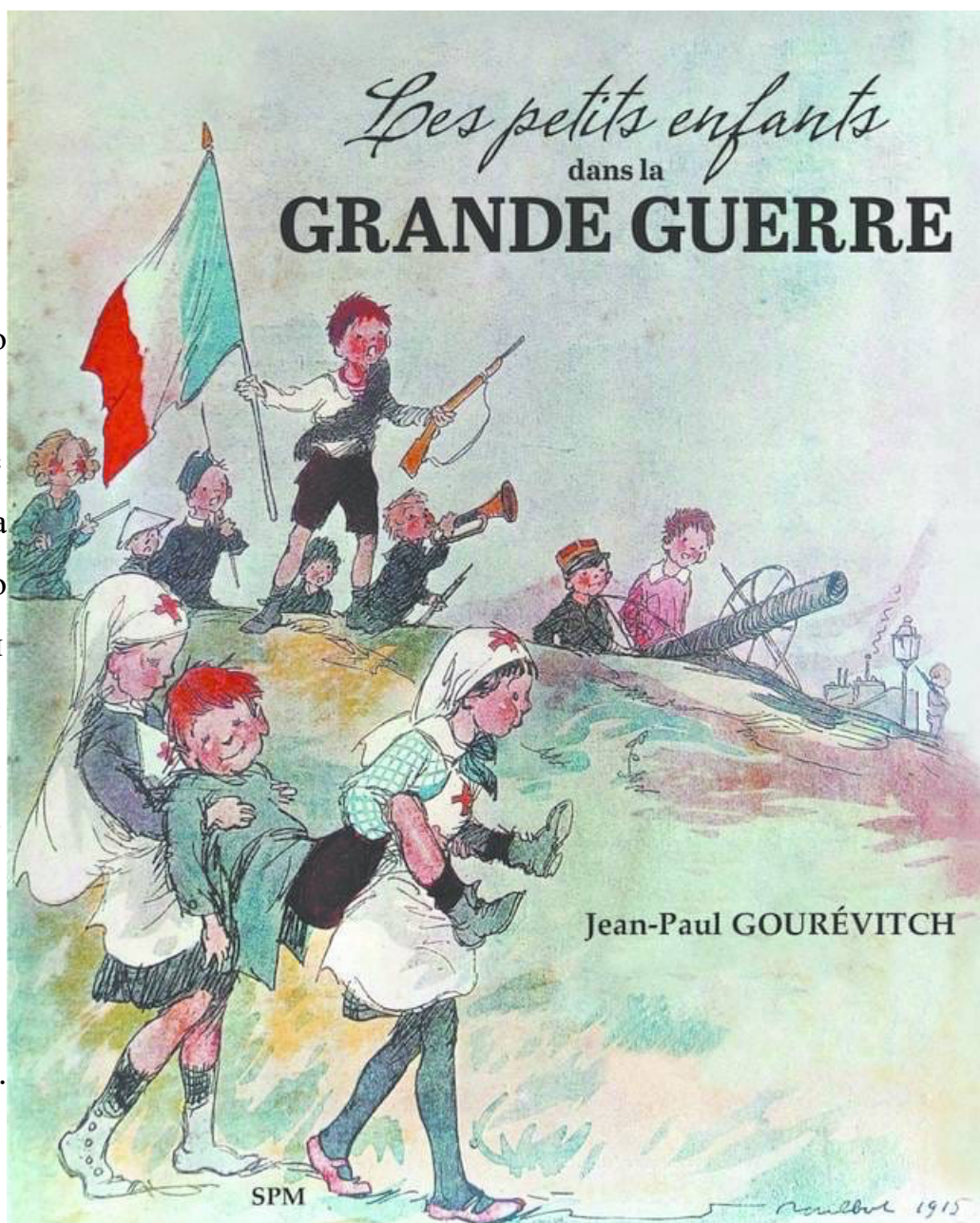
Во второй половине XX в. заметно актуализировались исторические исследования в рамках так называемой социальной антропологии, предполагавшей вернуть человека в историческое исследование как его объект. С этой точки зрения актуализировалась и тема Первой Мировой войны — стало интересно рассмотреть иные ее аспекты, а именно — влияние войны на мирное население, роль и место пропаганды во время войны, переживания отдельных людей в рамках данного периода и т. д. Современная европейская историография обращает особое внимание на детей, их собственные переживания, их восприятие данного события. В рамках этого направления написано уже много исследований, однако не исчерпывающих проблему целиком.

Значительный шаг в исследовании влияния войны на детей сделала современная французская историография. Особое значение имеет книга французского исследователя Жан-Поля Гуревича «Les petits enfants dans la Grande Guerre».¹ В данной книге, богато иллюстрированной неопубликованными документами и историческими фотографиями, автор исследует то, как дети, французы, англичане, немцы, австрийцы, бельгийцы или эльзас-лотарингцы смотрели на «Великую Войну». Благодаря их текстам и рисункам, их домашним заданиям, письмам, которыми они обмениваются с мобилизованным отцом, их играм и игрушкам воспроизводится их собственное восприятие войны, которое

¹ Goure'vitch J-P. Les petits enfants dans la Grande Guerre. Paris, 2019.

чаще всего сводилось к отождествлению ее со своего рода игрой, в которой участвуют, однако, взрослые. Именно поэтому детей скорее тянуло к войне как к чему-то крайне занимательному.

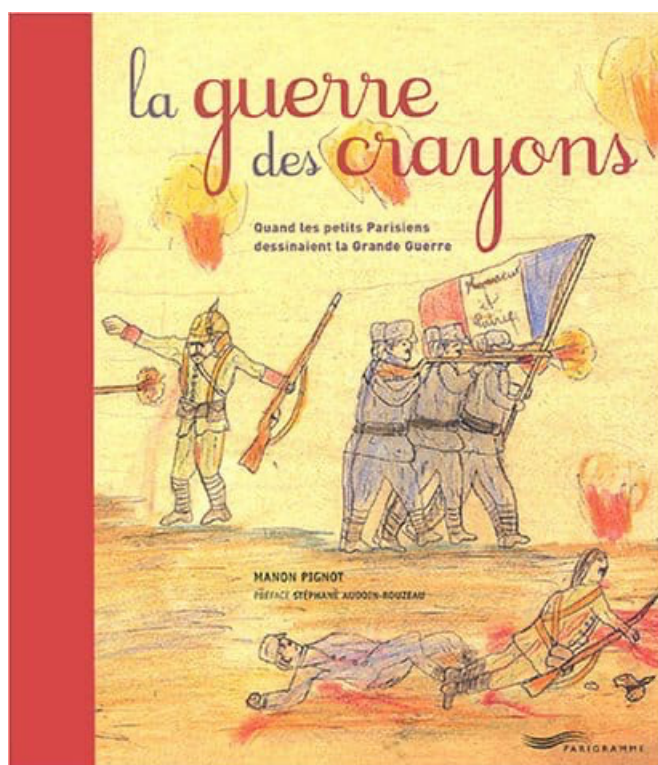
Еще
одним
французским
исследователем
является книга
исследовательницы
Манон Пиньот
«La Guerre des
crayons. Quand
les

petits Parisiens dessinaient la Grande Guerre»,² в которой автор особое внимание уделяет пропаганде в ходе войны: учителя поощряли детей рисовать сцены насилия и войны, нападения на немцев как на варваров, заставляя их воспринимать убийство врага как радостное событие; французская пропаганда военного времени изображала немцев как антитезу цивилизации, как гуннов, которые хотят уничтожить французский образ жизни. Такие представления

² Pignot M. La Guerre des crayons. Quand les petits Parisiens dessinaient la Grande Guerre. Paris, 2004.

усердно распространялись и на детей, что видно на примере детских рисунков тех лет.

Канадская же исследовательница Кэролин Кей в статье «German children's art during World War I»³ взяла в качестве объекта исследования творчество немецких детей во время «Великой Войны». При этом рассматривается только художественное творчество — рисунки 10-14-летних детей из Вильгельмсбургской школы в Гамбурге, за 1914-1916 гг. Хронологические рамки выделены справедливо.

В статье значительное место уделено истории немецкой педагогики на рубеже веков: в Германской империи возникали разные общества, одним из которых стало *Kunsterziehungsbewegung* (движение по воспитанию с помощью искусства), осуждавшее традиционные методы воспитания детей, основанные на представлении о том, что ребенок — это несовершенный взрослый, которому присущи пороки, и их необходимо искоренять — поэтому в то время были распространены телесные наказания. Движение же предлагало заменить такие методы другими, основанными на идее, что мир ребенка — это мир фантазии,

3 Kay C. German children's art during World War I // *Global Studies of Childhood*. 2021. Vol. 11 (2). DOI: 10.1177/20436106211015694. P. 195-212.

что у детей в гораздо большей степени развито воображение, и его нужно не подавлять, а поощрять в самых различных его проявлениях. Деятельность движения включала в себя проведение выставок детского творчества, одной из которых стала выставка в Кунстхалле, названная «Ребенок как художник»; на ней были представлены рисунки детей из самых разных стран — из Германии, Британии, России, Японии, Бельгии, Перу, Бразилии и США, и это, безусловно, способствовало и распространению популярности методов этого движения. Одним из мест, воспринявших идеи этого движения, стала Вильгельмсбургская школа №3 в Гамбурге, на сборнике детских рисунков которой и основано исследование К. Кей. Помимо этого, Кей пишет, что взяла за основу именно это собрание потому, что оно — одно из наиболее полных в Германии.

Основная часть статьи посвящена анализу детских рисунков данной школы. 12-летний Карл Арендт запечатлел на бумаге сражение немцев с французскими солдатами. Сражение выглядит динамичным, немцы штурмуют позиции французов, которые вот-вот проиграют. Превосходство немцев показано за счет большего размера как самих немцев, так и их оружия, а так же использования авиации.

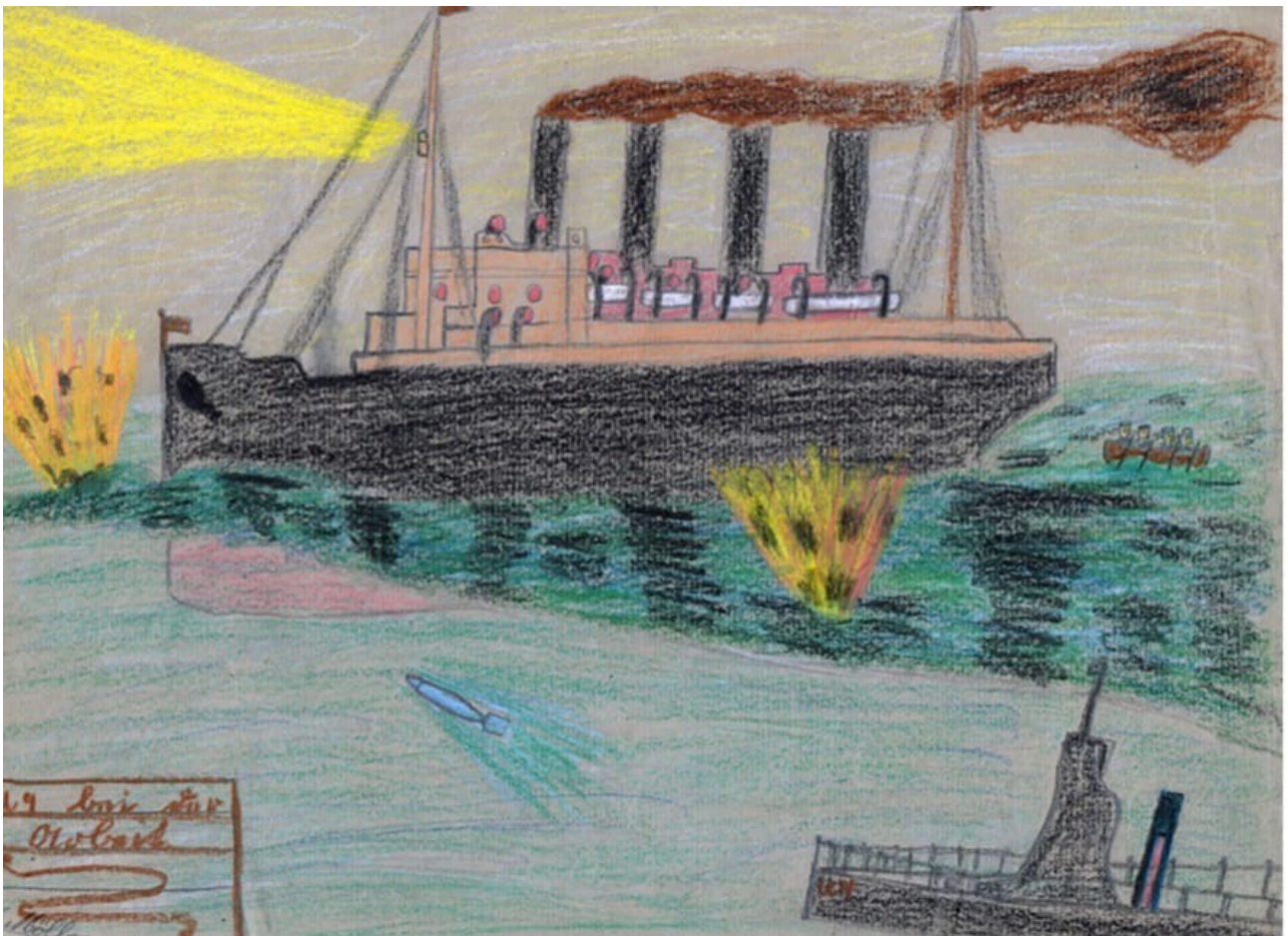
Вильхельм Бейд, также 12-ти лет, изображает сражение на равнине, тоже с французами. И хотя французов на его рисунке больше, они явно отступают, а наклоненные вперед немцы уверенно продвигаются. Колочая проволока является здесь своеобразным фоном.

Опровергающим гендерные предрассудки тех лет исследовательнице кажется рисунок 13-ти летней девочки Ирмы Данкер, на котором изображено, как французы сдаются немцам в плен, буквально подавленные их превосходством, как численном, так и технологическом — сверху виднеется дирижабль, сбрасывающий бомбы на врагов; кроме того, на картинке, в отличие от предыдущих, даже виднеется кровь. Характерным является изображение лошади, которых не так часто применяли на западном фронте.

Ребенка И. Меллера больше интересовали морские сюжеты. Так, на одном из его рисунков запечатлено потопление гражданского судна Лузитании. Большим планом изображен выживший британец, чтобы наглядно показать зрителю, что это именно потопление Лузитании — название корабля написано на спасательном круге. Ребенок, очевидно, хотел таким образом показать превосходство немецкого оружия — в немецкой прессе тех лет это событие считалось очевидной победой. На другом рисунке этого же ребенка изображено, как немецкая подводная лодка торпедирует британский крейсер. Рисунок подписан „U-9 bei der Arbeit“, кроме того, с крейсера уже плывет спасательная лодка, а торпеда идет с упреждением — ребенок буквально в предвкушении момента, когда снаряд поразит дно британского судна.

Все рисунки отображают представление детей об идущей войне, как о чем-то динамичном, где можно решительно победить врага и стать героем; для них это своего рода игра. Образ войны им был знаком лишь по детским книжкам, которые составлялись с оглядкой на блестящие победы пруссаков над французами в годы наполеоновских войн и франко-германской войны. Им было не известно, что на западном фронте будни солдат выглядели скорее, как каждодневное сидение в окопах, отсутствие решительных побед или продвижений, а поэтому и постоянный страх за свою жизнь. И. Меллер не задумывался, что на Лузитании погибло много невинных людей, и даже детей, таких же, как и он. Траншеи, составляющие львиную долю «пейзажа» полей сражений в эти годы, выступают лишь как фон.

Источниками такого восприятия Первой Мировой войны детьми, по мнению исследовательницы, выступает по большей части пропаганда, и, как она признается, главной целью исследования было показать влияние пропаганды на детей на примере Вильгельмсбургской школы (с. 201). Помимо прочего, источниками являлись и детские книжки с картинками о войне, например, популярная книжка тех лет «Стража на Рейне», выпущенной как раз в 1915 г. и изображающей победы пруссаков над французами в 1870-1871 гг.; на картинах война изображена как своего рода приключение, игру, изображенные немцы полны героизма, их движения свободны и порывисты, полны динамизма. Еще одним источником таких рисунков автор называет учителей, которые, по ее словам, заставляли детей рисовать военные сюжеты. Лишь одним предложением исследовательница обмолвилась о влиянии родителей.

В своих выводах Кей пишет, что приведенный ею анализ говорит о существенном воздействии пропаганды на детей, о том, что именно она легитимировала войну в головах детей посредством школы, вложив в их головы идею войны, как чего-то любопытного, где можно проявить героизм, как защиту превосходства германской цивилизации.

Исследование выдалось чрезвычайно любопытным, продемонстрировало свежий взгляд на немецкое общество в годы Первой Мировой войны; анализу поддалась ранее считавшаяся незначительной часть общества — дети. Работа поэтому и выглядит такой перспективной, что на ее основе (но не исключительно) можно сделать более широкие выводы — ведь эти дети позже подрастут и будут искренне верить в теорию «непобежденной армии» и «удара из-за спины». Анализ детских рисунков выполнен хорошо и можно уверенно сказать, что после него удалось хотя бы частично понять внутренний мир детей, их отношение к такой неотъемлемой части жизни тех лет, как война. При этом привлекаются дополнительные источники, например, воспоминания Клауса Манна, сына Томаса Манна, о тех годах; однако они несут исключительно вспомогательную функцию, ведь их писали уже взрослые (собственно, проблема письменных источников в области детской истории как раз в этом и состоит — невозможно на их основе понять конкретные переживания человека в настоящий момент), однако несколько помогают задать направление исследования, подтвердить или опровергнуть те или иные тезисы (в данном случае, подтвердить, что дети не имели представления об ужасах войны, поэтому автор так часто и останавливается на этом моменте, анализируя рисунки).

К сожалению, есть у работы и некоторые недостатки. В первую очередь, это идея о влиянии пропаганды. Каким образом это происходило? Дети читали газеты? Учителя? Но исследовательница сама себе противоречит, приводя слова учителей, которые утверждали, что не принуждали учеников рисовать победы немецкого оружия (с. 200), а то, что они и дети из других регионов рисовали рисунки похожего содержания, объясняется существованием популярных детских книжек, о которых Кей сама же и написала. Вряд ли бы стали учителя врать об этом, особенно в период, последовавший за Первой Мировой войной, с его тоской по славному прошлому. Однако не следует считать, что автор совсем уж неправа. Просто слово пропаганда употребляют где только возможно, не задумываясь, порой, о его содержании. Правильнее было бы сказать, что на

детей в этом плане влияла сама атмосфера, общества в целом, ведь сложно было найти кого-то во Втором Рейхе, кто не был бы подвержен патриотическим идеям касательно внешней политики; несогласия могли быть в области внутренней политике, но абсолютной доминантой общественного сознания в эту эпоху в Германии было ощущение собственного абсолютного превосходства над другими нациями — и это не пропаганда, а господство идеи национализма в сердцах немцев. Дети воспринимали эти идеи от своих родителей — этот вывод был бы отражен и в исследовании, если бы автор уделила роительскому влиянию хотя бы немного больше внимания, чем доказыванию воздействия пропаганды на детей. Учителя, в свою очередь, разумеется настраивали детей в соответствии со своими же представлениями, но вряд ли принуждали детей рисовать военные сюжеты. Однако они задавали направленность творческой деятельности детей, а те, в свою очередь, сами с энтузиазмом рисовали победы немецкого оружия — это сказано и в самом исследовании. Пропаганда, при этом, безусловно имела место в эти годы, но только на детей она влияла крайне опосредованно — посредниками были взрослые, как раз напрямую и подверженные влиянию пропаганды. А дети, выросшие в такой среде, не стали бы придерживаться иных взглядов.

Слишком смелыми кажутся слова об отсутствии гендерного различия между мальчиками и девочками (с. 206). Девочка нарисовала сражение, а не медсестер, ухаживающих за больными. И что? Безусловно, этот пример говорит о том, что учителя порой не понимали, что детям на самом деле интересно, слишком сильно привязываясь к «гендерным предрассудкам» касательно того, что свойственно девочкам и мальчикам, в те годы с этим было куда как строже. Но действительно, детям, и девочкам в том числе, гораздо интереснее фронтовые события — ведь там находились их отцы и старшие братья, книжки с картинками о боях погружали детей в фантазии и возбуждали любопытство; события войны казались в это время еще отдаленными, а вот с госпиталями, переполненными больными — другая ситуация — ведь они находятся ближе, потому и их ужас понять легче, а потому они и не вызывали интереса у детей. В

общем, складывается впечатление, что высказывание про отсутствие гендерных отличий навязано современной повесткой, а не пользой для исследования. Но если развить его в несколько ином русле — а именно порой случающееся непонимание учителями интересов учеников — то выглядит оно будет куда как интересней, чем оно выглядит сейчас.

Маленькое, крайне субъективное замечание, которое касается интерпретации рисунка Вильгельма Бейда — кажется вероятным, что ребенок не хотел изобразить французов неумелыми — они отброшены назад взрывами, это видно особенно четко по французу, который расположен совсем рядом с одной из таких вспышек — он держит ружье не той стороной не потому, что глупый, но он, возможно, был поражен взрывом или выстрелом; немецкие солдаты потому и ведут наступление, что враг частично обезврежен.

Все перечисленные недостатки не говорят о том, что работа плохая; совершенно наоборот, она вышла крайне достойной, в ней подробнее рассмотрено немецкое общество с точки зрения детской истории, совершенно правдиво показано то, как выглядела война в глазах детей, а потому статья уже сделала значительный вклад в современную западную историографию касательно данной проблемы — дети и Первая Мировая война.